

ПЕРВОЕ ОТКРЫТОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ РУССКИХ ЛИБЕРАЛОВ в 1855—1856 гг.

В. Н. РОЗЕНТАЛЬ

История русского либерализма представляет большой интерес для советской исторической науки. Важность ее изучения неоднократно отмечал В. И. Ленин. Великими деятелями русского общественного движения периода падения крепостного права Ленин считал только деятелей революционной демократии. Он подчеркивал «мизерность, убожество тогдашних либеральных реформистов»¹. Но характеризуя развитие русского освободительного движения, Ленин указывал, что на ранних его этапах под флагом борьбы с крепостничеством выступали и либералы, и в эпоху, когда классовый антагонизм буржуазного общества был еще совершенно не развит, создавалась иллюзия об отсутствии глубокой розни между идеями либералов и социалистов². Исключительное значение Ленин придавал изучению процесса отделения либерализма от демократии, раскрытию подлинного политического лица либерализма. «Вопрос об отделении либерализма от демократии в России,— писал Ленин,— принадлежит к числу коренных вопросов всего освободительного движения»³. Отмечая глубокое различие классовой природы обоих общественных направлений, Ленин подчеркивал необходимость уяснения этого различия широкими массами: «Не сознавши глубоких классовых корней, *отделяющих* либерализм от демократии,— не распространив этого сознания в *массах*,— не научившись нейтрализовать таким образом измен и шатаний либерализма делу «народной свободы»,— русская демократия не может сделать ни одного серьезного шага вперед»⁴. Вместе с тем Ленин указывал, что без изучения истории русского либерализма нельзя до конца понять и истории русской революционной демократии «Не поняв отличия контрреволюционного либерализма от демократии,— писал Ленин,— нельзя ничего понять ни в истории этой последней, ни в ее задачах»⁵.

За последние годы советские историки много сделали для изучения революционно-демократического движения в России. В разработке этой сложной проблемы принимают участие многие исследователи. В последние годы эти вопросы освещались в работах Н. М. Дружинина, М. В. Нечкиной, Б. П. Козьмина и др. Советские исследователи показали, что развитие русской революционно-демократической мысли и русского революционно-демократического движения с первых моментов их возникновения происходило в условиях острой борьбы с либеральной идеологией и либеральным движением. Специальное, углубленное изучение истории развития русского либерализма должно дать значительный дополнительный материал для уяснения той идейной обстановки, в которой происходила общественная борьба в России.

Настоящая статья ставит своей задачей освещение только одного из этапов в развитии русского либерализма, его открытое выступление со своей политической платформой на арену общественной борьбы в 1855—1856 гг.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 100.

² В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 276.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 269.

⁴ Там же, стр. 271.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 386.

Середина 50-х годов XIX в. является важнейшим этапом в истории русского либерализма. В эти годы в условиях острых социальных противоречий, усилившихся в условиях тяжелой войны, дальнейшего углубления кризиса крепостного хозяйства и обострения классовой борьбы, в стране происходит подъем общественного движения. Но, вопреки утверждениям буржуазной историографии, эти годы являются не исключительным периодом «общего потока» в русском общественном движении, а временем, когда уже ясно обозначился тот процесс отделения либерализма от демократии, который ранее происходил в завуалированной форме.

В середине 50-х годов наблюдается заметный рост революционно-демократического движения и намечается уже складывание той «революционной „партии“», о натиске которой на царское самодержавие в 1859—1861 гг. писал В. И. Ленин⁶.

Еще в 1853 г. А. И. Герцен создал в Лондоне первую «Вольную русскую типографию», и в Россию, хотя и с большими трудностями, начали проникать ее издания. В 1855—1856 гг. деятельность «Вольной русской типографии» значительно расширяется. Помимо ряда отдельных изданий, начинает регулярно выходить «Полярная звезда». Несмотря на «либеральные иллюзии», характерные для Герцена в этот период, начата им революционная пропаганда имела громадное революционное значение. «...Герцен, — писал Ленин, — первый поднял великое знамя борьбы путем обращения к массам *с вольным русским словом*»⁷.

С конца 1853 г. начался и важнейший, петербургский, период деятельности Н. Г. Чернышевского. Умело обходя «препоны и рогатки царской цензуры», Чернышевский начал дело превращения «Современника» в трибуну русской революционной демократии. Уже в этот период вокруг Чернышевского объединяется весь революционно-демократический лагерь.

К середине 50-х годов в России поднималось и «молодое поколение» разночинской демократической молодежи. В демократических кружках Петербурга, Москвы, Харькова и других городов формировалась идеология «новых людей». Участниками этих кружков в середине 50-х годов были также впоследствии выдающиеся деятели революционно-демократического движения, как Н. А. Добролюбов, Н. В. Шелгунов, М. И. Михайлов, Н. А. Серно-Соловьевич и другие. Демократическая молодежь признала своим вождем Н. Г. Чернышевского, зачитывалась его статьями в «Современнике» и считала своим «манифестом» его знаменитую диссертацию, вызвавшую, по свидетельству Н. В. Шелгунова, «восторг новых людей»⁸. Она так же горячо встретила «Полярную звезду» Герцена⁹, писала и распространяла революционные стихи, листовки и прокламации.

Наряду с ростом революционно-демократического движения усиливается, в особенности с началом царствования Александра II, и либеральное движение: оживляются общественно-литературные кружки дворянской интеллигенции, организуются торжественные обеды с речами, развивается либеральная журналистика. В обстановке общественного возбуждения происходит дальнейшее оформление идеологии русского либерализма и складывание его политической программы.

В противовес революционной демократии, деятели которой являлись идеологами народной революции и коренного преобразования существующего строя, русские либералы стремились к союзу с царской властью и считали, что необходимые буржуазные преобразования могут быть проведены только путем реформ сверху. Страх перед народным движением и категорическое осуждение революционных методов борьбы были характерны для всех деятелей либерального движения и делали их неспособными к действительной борьбе за декларируемые ими свободы. Резко критикуя внешнюю и внутреннюю политику правительства, они ищут мирного выхода из развивающегося в стране политического кризиса в целях укрепления царской монархии и предупреждения революции. В 1855—1856 гг. русские либералы впервые открыто выступают со своей политической платформой, резко отмежевываясь от революционной демократии.

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 26.

⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 15.

⁸ Н. В. Шелгунов. Воспоминания, ГИЗ, 1923, стр. 163—165.

⁹ «Полярная звезда», Лондон, 1855, № 2, стр. 252—259.

Это выступление русских либералов в годы общественного подъема ясно свидетельствует об усилении дифференциации общественных направлений и о дальнейшем углублении процесса отделения либерализма от демократии.

Для своего выступления русские либералы использовали «Вольную русскую типографию», созданную А. И. Герценом. В связи с изучением деятельности Герцена это выступление русских либералов освещалось не раз, и внешняя сторона его хорошо известна. Со дня основания «Вольной русской типографии» Герцен страстно ждал материалов из России. В своих письмах к «московским друзьям», участникам кружков дворянской интеллигенции, Герцен указывал, что в начатом им деле создания за границей «Вольной русской прессы» он ждет помощи прежде всего от них. Но до 1855 г. несмотря на настоятельные просьбы, никаких материалов от «московских друзей» Герцен не получал.

Только в 1855 г. от участников того круга дворянской интеллигенции, на который Герцен возлагал такие надежды, было получено, наконец, большое количество статей. Вместе с рукописями было прислано письмо, адресованное Герцену, но также предназначенное для печати. В этом «Письме к издателю» авторы излагали свое политическое «крело» и резко отмежевывались от политического направления изданий «Вольной русской типографии». Полученные рукописи глубоко разочаровали Герцена. Их политическое направление в корне расходилось с его взглядами и направлением всех его изданий. Однако несмотря на свое возмущение политическим направлением полученных материалов, Герцен решил их издать. Классовой сущности выступления русских либералов, всей его враждебности народному движению и демократии Герцен еще не понимал.

Герцен увидел в присланных рукописях «первые опыты, еще робкие и непривычные. русской речи о русском общественном деле, являющиеся после тридцатилетнего молчания»¹⁰. Но для того чтобы отмежеваться от направления печатаемых им статей. Герцен удовлетворил просьбу их авторов и опубликовал присланные ему рукописи не в «Полярной звезде», а начал новое специальное издание, которое назвал «Голоса из России».

В предисловии к первому выпуску «Голосов из России» Герцен писал, что в отношении к «Голосам» он только типограф, готовый печатать все, исключая одно писанное «с целью упрочить современный порядок дел в России»¹¹. Такую же роль, метко названную им ролью «типографа», Герцен продолжал играть и по отношению к следующим выпускам «Голосов», которые вышли в 1856—1858 гг.

В предисловии к четвертому выпуску «Голосов» Герцен еще более резко, чем раньше, отмежевывался от направления печатаемых им русских материалов. В примечаниях к одной из статей он писал: «Мы помещаем эту статью, как исторический документ тогдашнего настроения умов... При этом повторяем еще раз, что громко протестуем против всякой солидарности между направлением статей, нами печатаемых, и нашими мнениями»¹².

Но выпуск Герценом в 1856 г. нового издания и его отношение к нему—это только одна, и наиболее известная, сторона вопроса о сборниках «Голоса из России». Гораздо менее изучена другая сторона — история составления статей, вошедших в сборники, их социальная значимость и общественный резонанс. Между тем эти вопросы представляют большой интерес для истории русского общественного движения 50-х годов.

* * *

Мысль о создании серии статей, в которых русские либералы могли бы выразить свое отношение к положению дел в России и свою политическую программу, зародилась в начале 1855 г. и была осуществлена в этом же году. Инициатива в этом принадлежала Кавелину, К. Д. Кавелин является одним из виднейших деятелей русского либерализма 50—60-х годов прошлого века.

Характеризуя две тенденции в русском общественном движении начала 60-х годов — революционно-демократическую и либеральную, Ленин постоянно противопоставлял

¹⁰ А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем под ред. М. К. Лемке, т. VIII, стр. 321.

¹¹ «Голоса из России», вып. I, Лондон, 1856, стр. 6—7.

¹² Там же, вып. IV, 1858, стр. 158.

ставлял Кавелина, как типичного представителя либеральной тенденции, вождю русской революционной демократии Н. Г. Чернышевскому и видел в Кавелине прямого предшественника кадетской партии XX в.¹³

Разоблачая политическое лицо русского либерализма 60-х годов, В. И. Ленин не раз использовал выступления и деятельность Кавелина в этот период как пример «широковещательного красноречия и позорной дряблости» русских либералов¹⁴.

В середине 50-х годов Кавелин стоял в центре русского либерального движения. Петербургский кружок Кавелина являлся одним из важнейших идейных центров формирования либеральной идеологии. Вместе с тем Кавелин был тесно связан с другими петербургскими, московскими и провинциальными кружками либеральной интеллигенции. По своей службе в Комитете министров и через виднейших деятелей русского либерального чиновничества Н. А. и Д. А. Милютиных, с которыми он был близок, Кавелин хорошо знал настроение либеральных чиновничьих кругов, пользовался особым расположением великих князей Елены Павловны и Константина Николаевича, которые в середине 50-х годов возглавляли влиятельную придворную группу сторонников реформ.

В 1854 и начале 1855 г., когда раздражение против правительства охватило широкие круги дворянского общества, Кавелин особенно резко негодовал против политики Николая I. Он считал, что политическое положение России является невыносимым и с каждым днем становится все более тягостным¹⁵. Кавелин полагал, что правительство Николая I, проводя политику реакции, политического террора и цензурного гнета, ведет страну к катастрофе, к революционному взрыву. Но и в эти годы наибольшего возмущения политикой правительства Кавелин категорически осуждал революционные методы борьбы с царским самодержавием.

Так, Кавелин считал деятельность Герцена за границей политически вредной. Горячее сочувствие и восхищение Кавелина вызывала в эти годы деятельность не Герцена, а М. П. Погодина¹⁶.

Успех «Историко-политических писем» Погодина¹⁷ и рукописной литературы в годы Крымской войны внушили Кавелину мысль о создании серии рукописных статей, которые давали бы оценку политического положения страны и намечали на основе либеральной программы план предупреждения грозящей катастрофы. Для выполнения задуманного им плана Кавелин обратился за помощью к своему бывшему ученику Б. Н. Чичерину, в котором он в эти годы видел политического единомышленника.

По свидетельству Чичерина, в январе 1855 г. во время юбилейных торжеств в Москве по случаю столетия Московского университета Кавелин, приехавший из Петербурга на торжества, в разговоре с ним высказал мысль о необходимости создания ряда статей по злободневным вопросам русской жизни, составленных в определенном политическом направлении. Эти статьи он предполагал распространить тем же путем, каким распространялась многочисленная в эти годы рукописная литература, т. е. «пустить по рукам».

Чичерин встретил предложение Кавелина с горячим сочувствием. «Я с жадностью,— пишет он,— ухватился за эту мысль, которая давала исход моим либеральным убеждениям и моему стремлению к деятельности»¹⁸. Выбор Чичерина в качестве ближайшего помощника сделан был Кавелиным не случайно. В первой половине 50-х годов Чичерин быстро формировался как политический деятель либерального направления. Во всей многолетней деятельности Чичерина в области русского общественного движения особенно резко выражался антидемократический и антиреволюционный характер русского либерализма. Уже к началу 50-х годов Чичерин, как он

¹³ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 88, 96—97.

¹⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 33.

¹⁵ Б. Н. Чичерин. Москва 40-х годов, М., 1929, стр. 153.

¹⁶ РОБИЛ, ф. 231—II—14/31, «Письма от 30 января и 17 марта 1856 г.». С купюрами эти письма напечатаны у Н. Барсукова: «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. XIV, СПб., 1900, стр. 209 и 210, 214.

¹⁷ М. П. Погодин. Историко-политические письма и записки в годы Крымской войны, М., 1874.

¹⁸ Б. Н. Чичерин. Москва 40-х годов, стр. 153.

сообщает в своих «Воспоминаниях», был убежденным противником революции, демократии и социализма¹⁹.

Несмотря на значительную разницу в возрасте и характерах, Кавелин и Чичерин в начале 50-х годов сблизились на почве общей политической платформы, и в 1855 г. создался своеобразный политический союз этих двух крупнейших деятелей русского либерализма 50-х годов. Вначале союзники не ставили перед собой больших политических задач. Во время встречи в Москве они решили только, как предлагал Кавелин, заняться составлением рукописной литературы, в которой намеревались изложить свой взгляд на положение дел в России. Составление первой статьи взял на себя Чичерин.

К началу февраля статья Чичерина была закончена. Она называлась «Восточный вопрос с русской точки зрения» и была посвящена животрепещущему вопросу дня — Крымской войне. В серии статей, которые были написаны русскими либералами в 1855—1856 гг., эта статья была единственной, составленной еще при жизни Николая I. Она была написана в тоне резкой критики внешней и внутренней политики правительства и представляла собой высший уровень политической оппозиции русского либерализма 50-х годов²⁰. Чичерин призывал «осознать свое настоящее положение не сквозь фантастическую призму официальных статей, а во всей его истине и наготы»²¹.

Истина же заключалась в том, что «Россия находится на краю пропасти»²². Чичерин указывал, что виновником такого положения является правительство и что вся политика Николая I потерпела крах.

До 1853 г., до начала войны Россия стояла на вершине славы и могущества, считалась «колоссом непобедимым, грозящим покарать весь раздираемый внутренним брожением Запад». И этот колосс в годы войны обнаружил свою внутреннюю слабость: в результате война проиграна, Россия потеряла союзников в Европе и надолго ослабила свое влияние на Востоке. Причина полного провала планов внешней политики — в деспотизме и «безумном самовластии» правительства, которое «производ, господствовавший во внутренних делах, перенесло... на внешние сношения»²³.

Война выявила также всю ошибочность внутренней политики правительства: «Теперь,— говорилось в статье,— вышла наружу вся порча общественного организма, которая скрывалась под покровом мира»²⁴. В статье критиковалась экономическая и финансовая политика правительства и указывалось, что даже в области военной подготовки армии, которой правительство уделяло наибольшее внимание, было забыто самое существенное. Война усилила разорение не только крестьян, но и дворянства. Рекрутские наборы, повинности и финансовые тяготы, остановка хлебной торговли привели к полному истощению и крестьянское и дворянское хозяйство. В тяжелом положении находится и городское население, на которое накладывают несоразмерные с его силами поставки. Средства государства расточаются самым бессмысленным образом. Нелепые распоряжения администрации усиливают беспорядок и еще ухудшают положение. Война выявила отсталость России, в которой также повинно правительство. «Уже одно крепостное состояние налагает неодолимую преграду усовершенствованию земледелия, а отсутствие хороших дорог останавливает торговлю. Имеющиеся капиталы идут не на строительство железных дорог, а передаются через опекунские советы расточительному дворянству, потому что правительство не допускает частных компаний». Но так резко критикуя политику правительства, Чичерин не звал к борьбе с царским самодержавием. Он писал лишь о полном разрыве «союза царя с народом» и ставил вопрос об опасности такого положения²⁵.

В своих позднейших «Воспоминаниях», рассказывая о начале своей публицистической деятельности и ее задачах, Чичерин писал: «Надобно было высказать все, что мучило и волновало мыслящих людей в России, выразить как их негодование на прошлое, так и их планы для будущего. О перемене образа правления никто в это время

¹⁹ Б. Н. Чичерин. Москва 40-х годов, стр. 76—77.

²⁰ РОБИА, ф. 334—II/XVII—4; см. С. П. Трубецкой. Записки, СПб., 1907, Приложения, стр. 123—154.

²¹ РОБИА, ф. 334—II/XVII—4, л. 1.

²² Там же, л. 3.

²³ Там же, лл. 2—3, 13.

²⁴ Там же, л. 13.

²⁵ Там же, лл. 10—13.

не думал. Все понимали, что при крепостном праве и при вековом принижении общества — это дело несбыточное»²⁶.

Свою статью Чичерин лично отвез в Петербург к Кавелину. Во время пребывания Чичерина в Петербурге в конце февраля 1855 г. уже после смерти Николая I был наметен план дальнейших совместных действий. Первой статьей Чичерина Кавелин остался очень доволен и решил пустить ее в ход, но с воцарением Александра II тон этой статьи показался им обоим очень резким. После 19 февраля 1855 г. началось для русских либералов время «сладостных надежд» на нового императора.

В петербургском кружке Кавелина с этими надеждами соединялись неуверенность и опасения, что Александр II не поймет необходимости изменения политического курса. В своих позднейших письмах к Д. А. Милютину Кавелин не раз вспоминал о настроенных в их петербургском кружке в начале царствования Александра II. «Помните ли, Дмитрий Алексеевич, — писал он в одном из писем, — как мы в нашем тесном дружеском кружке повесили носы со смертью Николая Павловича в уверенности, что вопрос об освобождении крестьян будет похоронен. Один я крепко верил, что этот вопрос не умрет и пройдет, а Николай Алексеевич надо мной подтрунивал, говоря, что у меня *une foie robuste*»²⁷. Об этом же рассказывает и Чичерин²⁸. В этих условиях Кавелин и Чичерин решают и после воцарения нового императора продолжать составление задуманной рукописной литературы. Первоначальный план был даже расширен. Так как не исключена была возможность усиления влияния придворной знати, наметено было написать специальную статью об аристократии. Написать ее взялся Чичерин. Но тон дальнейших статей решено было сделать более мягким и уважительным по отношению к правительству²⁹.

Главной задачей задуманных статей являлось оказание давления на колеблющееся правительство. Статьи должны были убедить Александра II в необходимости быстрого проведения реформ и показать опасность продолжения политики Николая I, который, по убеждению русских либералов, своей охранительной системой вел страну к революционному взрыву. Статьи должны были носить сугубо монархический характер. Кавелин указывал, что «о возможности перемены образа правления в будущем лучше пока умалчивать, а, напротив, следует напирать на то, что теперь этого никто не желает»³⁰.

Статьи имели и другую цель — выработку такой политической платформы, которая могла бы сплотить самые широкие слои дворянской интеллигенции вокруг преобразовательной деятельности нового императора.

В своих письмах 1855—1856 гг., в особенности в письмах к Погодину, Кавелин не раз и очень подробно развивал эти мысли³¹.

После совещания с Кавелиным в феврале 1855 г. Чичерин с большой энергией берется за разработку намеченного ими плана. В короткий срок он заканчивает несколько новых статей: «Священный союз и австрийская политика», «Об аристократии, в особенности русской», «Современные задачи русской жизни» и др. Кавелин в 1855 г. закончил давно уже задуманную им записку «О крепостном праве» и также пустил ее «по рукам».

Стремясь быстрее разработать серию статей, излагающих политическую платформу русских либералов, Кавелин привлек к этому третьего участника — Мельгунова. Н. А. Мельгунов — активный деятель общественного движения 30—50-х годов, писатель и публицист, хотя никогда не играл видной роли ни в литературе, ни в общественном движении. Но у Мельгунова были две особенности, благодаря которым Кавелин, подбирая участников для задуманного им дела, остановил на нем свой выбор. Мельгунов умел легко и бойко писать на самые различные темы и, что было также очень важно для Кавелина, был связан с различными кружками дворянской интеллигенции как в Москве, так и в Петербурге. Мельгунов горячо откликнулся на предложение Кавелина и по его заказу написал в 1855 г. несколько статей: «Мысли вслух об истекшем тридца-

²⁶ Б. Н. Чичерин. Москва 40-х годов, стр. 162.

²⁷ РОБИЛ, ф. 169, Письма 1882 г.

²⁸ Б. Н. Чичерин. Москва 40-х годов, стр. 160—161.

²⁹ Там же, стр. 159.

³⁰ Там же, стр. 172.

³¹ РОБИЛ, ф. 231—II, 14/31. Письмо от 3 ноября 1855 г. и др.

тилетии», «Россия в войне и мире», «Приятельский разговор». Об участии в создании рукописной либеральной литературы третьего лица Чичерин вначале не знал и услышал об этом случайно от самого Мельгунова, но статьи Мельгунова ему понравились³². Таким образом, не являясь ни инициатором выступления русских либералов, ни идеологом движения, Мельгунов сыграл известную роль в триумвирате русских либералов в 1855—1856 гг. как автор рукописей и их распространитель. Все статьи, написанные Чичериным, Мельгуновым и Кавелиным в 1855 г., в рукописях распространялись в России. С первой из них, со статьей «Восточный вопрос с русской точки зрения», Кавелин и Чичерин натерпелись немало страха. Рукопись эта еще в феврале 1855 г., после просмотра ее Кавелиным, была пущена «по рукам», но была обнаружена полицией и вызвала правительственные репрессии. В отчете III Отделения за 1855 г. указывалось, что в Тамбовской губернии полиция обратила внимание на копии с рукописи «преступного содержания» под заголовком «Восточный вопрос с русской точки зрения». Эти рукописи, по сведениям полиции, читали многие помещики³³.

В начале 1856 г. распространение рукописных статей обычным путем в России показалось Кавелину и Чичерину недостаточным. На напечатание же статей в России, несмотря на всю их умеренность, надеяться было нельзя. В этих условиях Кавелин и Чичерин решаются на новый политический шаг. «Решено было, — пишет Чичерин, — послать всю нашу рукописную литературу для напечатания к Герцену»³⁴. Исключение было сделано только для первой статьи Чичерина: «Восточный вопрос с русской точки зрения». По своему тону она значительно отличалась от остальных, написанных после вступления на престол Александра II. Все статьи, написанные после 19 февраля 1855 г., писались, по выражению Герцена, «медом и млеком». По сравнению с ними первая статья Чичерина была признана слишком резкой и потому неподходящей для напечатания. В фонде Чичерина она хранится с надписью, сделанной его рукой: «Первая статья рукописной литературы, писана еще при жизни Николая Павловича, пущена в ход, но не напечатана за границей, из-за нее в Тамбовской губернии были розыски. Н. Мордвинов³⁵ сидел в крепости, но не сказал, что получил ее от меня»³⁶.

Кавелин и Чичерин придавали большое политическое значение отправке составленной ими рукописной литературы в Лондон к Герцену для напечатания в «Вольной русской типографии». Они относились к этому мероприятию как к серьезному политическому выступлению. «Перед нами, — пишет Чичерин, — открывалось новое политическое поприще, по которому надобно было пойти с крайней обдуманностью и осторожностью»³⁷.

Отправляя Герцену свои рукописи, Кавелин и Чичерин принимали все меры, чтобы отмежеваться от политического направления других изданий Герцена. В особом «Письме к издателю» они просили Герцена напечатать посылаемые ими статьи без всяких перемен, на русском языке и не в «Полярной звезде», а отдельной книгой. Они объясняли, что были вынуждены обратиться к Герцену только за неизменением никаких других возможностей заявить о своей политической платформе. «И со всем тем, — говорилось в „Письме к издателю“, — не сочувствуя вашей деятельности, решительно не становясь под ваше знамя, мы, через отсутствие всякой тени гласности в России, вынуждены искать для современной русской мысли пристанища и великодушного крова у вас»³⁸. «Письмо к издателю» носило характер программного документа. Оно было написано Кавелиным и Чичериным совместно. По выражению Чичерина, оно писалось «двумя руками». Начало письма, его первая половина была написана Кавелиным, вторая половина — Чичериным³⁹. Статьи, посланные Кавелиным и Чичериным в Лондон,

³² Б. Н. Чичерин. Москва 40-х годов, стр. 168—171.

³³ ЦГИАМ, ф. III отд., Отчет за 1855 г., л. 33; см. также Б. Н. Чичерин. Москва 40-х годов, стр. 165.

³⁴ Б. Н. Чичерин. Москва 40-х годов, стр. 172.

³⁵ Мордвинов Николай Александрович — петербургский чиновник, приятель Кавелина. В 1855 г. он проводил ревизию в Тамбове. Чичерин, имевший к Мордвинову письмо от Кавелина, передал ему вместе с письмом и статью, которую Мордвинов «тогдаш пустил в ход» (Б. Н. Чичерин. Москва 40-х годов, стр. 165).

³⁶ РОБИЛ, ф. 334—II/XVII—4.

³⁷ Б. Н. Чичерин. Москва 40-х годов, стр. 172.

³⁸ «Голоса из России», вып. I, стр. 35—36.

³⁹ Б. Н. Чичерин. Москва 40-х годов, стр. 172.

а также «Письмо к издателю» были напечатаны Герценом в первых четырех выпусках «Голосов из России». Кроме указанных выше статей, в этих выпусках «Голосов» были напечатаны две главы из «Записки» Кавелина по вопросу об освобождении крестьян и статья Чичерина «О крепостном состоянии».

Собранные вместе и предваряемые «Письмом к издателю», статьи декларировали ту политическую программу, с которой русские либералы выступали в момент острого кризиса, переживаемого страной. Выступление русских либералов в 1855—1856 гг. открыло новый этап в истории русского либерализма.

Как правильно указывал Н. М. Дружинин, «это было первое открытое выступление российских либералов»⁴⁰.

* * *

Либерализм уже в первом своем открытом выступлении очень рельефно обнаружил свое политическое лицо. На арену общественной борьбы русский либерализм выходил как политическое течение, враждебное революционной демократии и народным массам и открыто призывающее к союзу с царской монархией. Инициаторы первого открытого выступления русских либералов со всей резкостью заявляли, что русскому общественному движению якобы чуждо то знамя, которое поднял Герцен, создавая «Вольную русскую прессу». Это знамя они определяли как знамя революции и социализма. Обращаясь к Герцену, авторы «Письма к издателю» писали: «Вы удивляетесь, отчего вам не шлют статей из России; но как же вы не понимаете, что нам чуждо водруженное вами знамя?»⁴¹. Русские либералы обвиняли Герцена в стремлении к разрушению существующего строя и замене его народовластием. «Вы,— писали авторы „Письма к издателю“ обращаясь к Герцену,— кинулись в объятия западной революционной партии и вместе с нею мечтаете о низвержении существующего порядка, о разрушении исторически образовавшегося тела, о господстве низших классов народонаселения, призываемых революционной партией к обновлению мира буйною силою»⁴².

Не менее резко выступали Кавелин и Чичерин и против социалистической пропаганды, проводимой Герценом. Они не только критиковали идеи крестьянского общинного социализма, но пытались доказать, что социалистическое устройство вообще невозможно, что общественное неравенство необходимо и составляет, вопреки всем мнениям, «закон естественный»⁴³.

Объявляя идеи революции, демократии и социализма, развиваемые Герценом, ненаучными, аморальными и опасными для общества, инициаторы первого открытого выступления русских либералов выдвигали свою историческую концепцию и свою политическую программу. Знамя, поднимаемое ими самими, они определяли как знамя «либерализма». Под «Письмом к издателю» не было подписи его составителей, а стояла подпись, характеризующая политическую программу, развернутую в статьях, — «Русский либерал»⁴⁴.

В программной статье, помещенной в четвертом выпуске «Голосов», — «Современные задачи русской жизни» — Чичерин писал: «Либерализм! Это лозунг всякого образованного и здравомыслящего человека в России. Это знамя, которое может соединить около себя людей всех сфер, всех сословий, всех направлений»⁴⁵.

Знамя «либерализма» поднималось инициаторами первого открытого выступления русских либералов как знамя, вокруг которого должны были объединиться правительство и дворянское общество для того, чтобы спасти страну от грозящей ей революционной катастрофы. «В либерализме вся будущность России,— писал Чичерин в той же программной статье.— Да столкнутся же около этого знамени и правительство и народ с доверием друг к другу, с твердым намерением достигнуть предположенной цели»⁴⁶.

⁴⁰ Н. М. Дружинин. Москва в годы Крымской войны. «История Москвы», т. III, М., 1954, стр. 777.

⁴¹ «Голоса из России», вып. I, стр. 35.

⁴² Там же, стр. 25.

⁴³ См. К. Д. Кавелин. Соч., т. II, СПб., 1898, стр. 67.

⁴⁴ «Голоса из России», вып. I, стр. 36.

⁴⁵ Там же, вып. IV, стр. 111.

⁴⁶ Там же, стр. 111—112.

Использование русскими либералами «Вольной русской типографии» для декларации своей политической программы свидетельствовало, что к 1855 г. в русском общественном движении выкристаллизовывалось уже особое либеральное течение. Инициаторы первого открытого выступления русских либералов Кавелин и Чичерин, выдвигая определенную политическую программу, прямо заявляли, что они выражают не только свое индивидуальное мнение, но являются представителями и выразителями «либеральной партии».

В «Письме к издателю» Кавелин писал: «Я высказываю не только свой личный образ мыслей, но и чувства огромного большинства просвещенных и благомыслящих людей в России»⁴⁷.

Особенно ясно о русской «либеральной партии» писал в своих письмах к Кавелину Чичерин. В 1857 г., готовясь к новому открытому политическому выступлению и приглашая Кавелина, как в 1855 г., действовать совместно с ним, Чичерин в большом письме доказывал необходимость еще раз заявить о «либеральной партии» как особом течении. «Либерализм, — писал он, — который при всей независимости не смотрит враждебно на правительство, который не довольствуется отрицанием, а хочет основать твердую политическую систему, — это особенная партия, которая должна со временем образоваться. Но наступило ли время поднять ее знамя? Или мы должны много работать, накопить сведения, подготовиться, чтобы в удобную минуту выступить во всеоружии? Я стою за последнее. Мне кажется, что время еще не созрело, но думаю, что теперь уже можно при случае дать почувствовать, на какой почве мы стоим»⁴⁸.

Всемерно отгораживаясь от революционно-демократической интеллигенции 50-х годов, «либеральная партия» открыто заявляла, что она не только не опирается на народ, но стоит высоко над народными массами.

«Что нашли вы такого в русском мужике, — писали авторы „Письма к издателю“ Герцену, — в этом несчастном страдальце, который бог знает еще когда пробудится к сознанию своих способностей и к деятельности самостоятельной и разумной?»⁴⁹. Народные массы третируются авторами «Письма» как «неразвившиеся слои человеческих обществ»⁵⁰. Еще более резко и откровенно свое отношение к народным массам Чичерин выразил в своей записке «О крепостном состоянии». «Русский крестьянин, — писал он там, — самое покорное существо, какое есть в мире; только доведенный до крайности, он выходит из своего смирения и тогда может, пожалуй, сделаться диким зверем»⁵¹.

Выступив на арену общественной борьбы в момент массовых крестьянских волнений и нарастания революционной ситуации, русские либералы видели в народе страшную и враждебную силу и искали союза с царской властью. Это была уже открыто и резко выраженная враждебная демократии классовая позиция либерального барства. «Либеральная партия» 50-х годов выступала как прямая предшественница русской либеральной партии начала XX в., которая, смертельно боясь революционного народа, видела в правительстве своего защитника от «народной ярости».

Либеральная партия в понимании деятелей русского либерализма резко обособлялась прежде всего от революционеров-демократов и от народных масс, но вместе с тем либералы 50-х годов отделяли себя и от консервативного дворянства. Но здесь различие носило совсем иной характер. «Тупоумных консерваторов» деятели либерального движения относили к тому же сословию, к которому принадлежали сами, но считали, что эти слои русского дворянства не понимают еще общественных потребностей и своих собственных выгод и сами подготавливают революционный взрыв, поддерживая старый порядок. «Только беспечность наших помещиков, их неспособность к расчету и вековые закоренелые привычки заставляют их предпочитать крепостное состояние», — писал Чичерин в одной из своих статей⁵².

⁴⁷ «Голоса из России», вып. I, стр. 19.

⁴⁸ Архив Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), ф. Кавелин, 2076—I, СХЛ16. 25. Письмо от 8 декабря 1957 г.

⁴⁹ «Голоса из России», вып. I, стр. 22—23.

⁵⁰ Там же, стр. 25.

⁵¹ Там же, вып. II, 1856, стр. 214.

⁵² Там же, стр. 228.

Русские либералы 50-х годов высокомерно считали, что либеральная партия, окруженная, с одной стороны, «невежественным и враждебным народом», а с другой — «тупоумными консерваторами» и «бессмысленной бюрократией», является «горстью просвещенных и порядочных людей»⁵³, которые одни только правильно понимают общественные задачи.

* * *

В основе политической программы, выдвигаемой идеологами русского либерализма 50-х годов Кавелиным и Чичериным, лежала их историческая концепция.

В «Письме к издателю», в статьях Чичерина «Современные задачи русской жизни», «О крепостном состоянии», так же как в записке Кавелина «Об освобождении крестьян», в политически заостренной форме излагалась общая историческая концепция историков так называемой «государственной школы». Ставя перед собой определенную политическую задачу, Кавелин и Чичерин, в создаваемой ими рукописной либеральной литературе, придавали историческим теориям значительно большую политическую направленность, чем в своих научных работах 40- и 50-х годов.

В противовес Герцену и другим деятелям революционной демократии, Кавелин и Чичерин утверждали, что историческое развитие происходит «без скачков», и пытались обосновать излюбленный тезис всех либералов о возможности буржуазного преобразования без революции. В. И. Ленин указывал, что это положение является одним из важнейших в идеологии либерализма⁵⁴.

И в «Письме к издателю», и в статьях, отправленных в Лондон, Кавелин и Чичерин отстаивали идею закономерности исторического процесса. Но доказывая закономерность исторического процесса, они утверждали, что основным его законом является «закон постепенности»⁵⁵. В «Письме к издателю» Чичерин писал: «История, как природа, не делает скачков. Случаются в ней внезапные перевороты, среди которых всплывают наружу самые крайние теории, но это дело временное и, успокоившись, народ опять-таки возвращается на прежнюю точку и продолжает свое шествие, медленное и постепенное, но зато уже неизбежно достигающее цели»⁵⁶.

Боясь народа и видя в революции разгул народной стихии, либералы обвиняли революционеров в том, что они, не считаясь с законами исторического развития, сделали из революции политическую доктрину и проповедуют мятеж и насилие как единственное средство переустройства общества и ставят «кровавую купель непреходящим условием возрождения»⁵⁷.

Свою теорию эволюции русские либералы выдвигали как основное теоретическое оружие в борьбе не только против революционеров, но и против консерваторов, а также против охранительной политики правительства.

Соратник Кавелина и Чичерина Н. А. Мельгунов в качестве эпиграфа к своей статье «Мысли вслух об истекшем 30-летию России», где он давал критику политики Николая I и показывал историческую необходимость немедленного проведения буржуазных реформ, поставил такой, по его выражению, «современный» афоризм: «Консерватизм — такая же крайность, как и учение радикалов, жизненного процесса нельзя ни перегнуть, ни остановить»⁵⁸. С этих же теоретических позиций либералы критиковали и охранительную систему правительства. В «Письме к издателю» Чичерин доказывал, что революционные перевороты происходят только по вине правительства. Охранительная система, слепо проводимая правительством, не дает места движению вперед и вызывает революционный взрыв. «Там, где господствует упорная охранительная система, не дающая места движению к развитию, там революция является как неизбежное следствие такой политики. Это вечный закон всемирной истории»⁵⁹.

В своей записке «О крепостном состоянии» Чичерин, обосновывая необходимость немедленной отмены крепостного права, доказывал, что медлить с разрешением со-

⁵³ «Голоса из России», вып. I, стр. 17—18.

⁵⁴ См. В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 204.

⁵⁵ «Голоса из России», вып. I, стр. 31.

⁵⁶ Там же, стр. 32.

⁵⁷ Там же, стр. 26—27.

⁵⁸ Там же, стр. 64.

⁵⁹ Там же, стр. 26.

циальных вопросов, если они назрели, опасно: «Как скоро народ созрел для известной степени общественного развития,— писал он,— как скоро старые формы быта сделались несогласны с новыми идеями, стремлениями и потребностями, так тотчас надобно приступить к их изменению. Иначе почувствуется разлад во всех концах общества, и чем более будут медлить с разрешением тяготеющего над народом вопроса, тем этот разлад делается ощутительнее... и хорошо еще, если все кончится некоторыми смутами и волнением. Но легко может случиться, что непризнанные требования захотят получить удовлетворение силой, и тогда возгорится борьба небывалая: один класс восстанет на другой и новый порядок вещей омоется в кровавой купели»⁶⁰.

Инициаторы первого открытого выступления русских либералов утверждали, что «последовательный консерватизм» Николая I оказался несостоятельным, так как Николай пытался силой удержать старый порядок. Только немедленные реформы могут спасти положение и сделать революцию в России невозможной.

Историческая теория русских либералов 50-х годов — отрицание неизбежности революционных переворотов, утверждение, что основным законом исторического развития является «закон постепенности», обоснование концепции «мирного, постепенного, строго легального развития»⁶¹ — все это легло в основу политической программы русских либералов 50-х годов, прочно вошло в арсенал русского либерализма.

В своей работе «Гонители земства и Аннибалы либерализма» В. И. Ленин показал, что на основе именно этой пресловутой концепции «мирного, строго легального развития» русские либералы проводили в годы как первой, так и второй революционной ситуации в России «предательскую политику ширококвещательного красноречия и позорной дряблости»⁶².

* * *

Другой теоретической опорой политической программы русских либералов 50-х годов, тесно связанной с их общей исторической концепцией, являлась их теория об особой роли государства в истории России.

Во всех статьях рукописной либеральной литературы развивалось и аргументировалось основное положение политической программы русских либералов — о роли государственной власти в России как единственной силы, способной разрешить назревшие противоречия в общественном развитии страны.

В особенности подробно положение об исторической роли государства в истории России обосновывалось Чичериним. Апологетика государства, характерная для всего русского либерализма, была доведена Чичериним до предельной черты в его работе по истории русского права⁶³. С 1858 г. Чичерин возглавил особое течение в русском либеральном движении и выдвинул лозунг «Либеральные меры и сильная власть»⁶⁴. В статьях, написанных для рукописной либеральной литературы, Чичерин впервые подробно развил свои общие выводы об исторической роли и значении государства в русской истории. Чичерин исходил из понимания государства как надклассовой организации и использовал в своей аргументации договорную теорию, развитую еще в западноевропейской публицистике XVII—XVIII вв.⁶⁵. Наиболее подробно свою концепцию русского исторического процесса Чичерин развил в статье «Современные задачи русской жизни»⁶⁶. Проследившая общий ход исторического развития России, Чичерин выдвигает на первый план благотворную роль государства и обосновывает необходимость сильной государственной власти⁶⁷.

Характеризуя государственную власть как создательницу всего социального строя страны, Чичерин развивает теорию закрепощения сословий в России государством в силу общегосударственных интересов. Доказывая ведущую роль государственной

⁶⁰ «Голоса из России», вып. II, стр. 129—130.

⁶¹ В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 49.

⁶² Там же, стр. 33.

⁶³ Б. Н. Чичерин. Опыты по истории русского права, М., 1858.

⁶⁴ Б. Н. Чичерин. Несколько современных вопросов, М., 1862, стр. 200.

⁶⁵ «Голоса из России», вып. II, стр. 134.

⁶⁶ Там же, вып. IV, стр. 51—129.

⁶⁷ Там же, стр. 64—65.

власти в истории России, Чичерин считал, что в XIX в. вековой союз народа и правительства нарушился, так как правительство сделалось «всеобъемлющим, господствующим, проникающим всюду, а народ все более бледнел и исчезал перед ним»⁶⁸. Из этого выводилась необходимость реформ русского государственного строя 50-х годов.

В статьях, напечатанных в «Голосах из России», Чичерин выступает как главный идеолог русского либерализма 50-х годов, в его статьях давалась и историческая концепция русского либерализма и обоснование исторической роли государства в России.

Кавелин в статьях, посланных в 1855 г. в Лондон, подробно не раскрывал своей схемы русского исторического процесса, но в записке «Об освобождении крестьян», обосновывая необходимость отмены крепостного права, он развивал положение о надклассовом характере государственной власти и доказывал особую роль государственного начала в истории России⁶⁹.

Такое понимание государства и его роли в истории России служило либералам обоснованием важнейшего положения их политической программы, а именно того, что единственным путем разрешения всех общественных противоречий в России являются реформы сверху.

«Кто знает Россию, — писал Кавелин, — кто понимает ее великое призвание, тот не сомневается, что ей прежде всего необходимы мирные успехи, которые, впрочем, не только у нас, но и везде вернее и прочнее развития сомнительных и тяжелых путем переворотов и смертельных опытов...»⁷⁰.

Исходя из концепции мирного, строго легального развития и особой роли государства в истории России, либералы давали оценку положения страны, критику политики правительства и выдвигали практическую программу реформ.

* * *

В статьях, посланных в Лондон для напечатания в «Вольной русской типографии», либералы подвергли критике политику правительства Николая I и, отмечая серьезность внутреннего положения России в середине 50-х годов, говорили о необходимости немедленного проведения реформ. Но критика либералами положения страны носила совсем иной характер, чем у деятелей революционной демократии. Либералы, выработывая политическую программу, ставили перед собой задачу — предупредить народное восстание, укрепить царскую монархию и государственный порядок путем преобразования отдельных сторон государственного управления. Поэтому выдвинутая ими политическая программа была диаметрально противоположна политической платформе революционеров-демократов, которые стремились не укрепить, а разрушить существующий строй.

Русские либералы резко отмежевывались от той революционной критики царского самодержавия, которая давалась в революционных прокламациях, в статьях и брошюрах Герцена, написанных в эмиграции.

В «Письме к издателю» они заявляли, что их целью является не борьба с правительством, а помощь ему. «Мы, — писал Чичерин во второй части „Письма к издателю“, — готовы столпиться около всякого сколько-нибудь либерального правительства и поддерживать его всеми силами, ибо твердо убеждены, что только через правительство у нас можно действовать и достигнуть каких-нибудь результатов»⁷¹.

Либералы стремились укрепить царскую монархию путем создания тесного союза между правительством и обществом, так как в первой половине XIX в. союз этот, по их мнению, совершенно нарушился, виновником чего было само правительство.

Русские либералы указывали на две основные причины нарушения этого союза: упорную охранительную систему, проводимую русским правительством со времени Венского конгресса, и на армию чиновников, которая создала непроницаемую стену между царем и страной. Под охранительной системой либералы понимали политику консерватизма, мешавшую развитию и движению вперед. В статье «Мысли вслух об истекшем 30-летию России» Мельгунов, подробно характеризуя охранительную по-

⁶⁸ «Голоса из России», вып. IV, стр. 77.

⁶⁹ См. К. Д. Кавелин. Соч., т. II, стр. 54.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ «Голоса из России», вып. I, стр. 22.

литику Николая I, писал, что ее основными чертами являются: 1) стремление «сохранить донельзя» старый государственный порядок у себя и у других с помощью материальной силы войска; 2) колоссальное развитие административного элемента в ущерб прочим; 3) мелочная регламентация, военная дисциплина и полицейские меры; 4) подавление всякого самостоятельного проявления мысли как в литературе, так и в обществе, стремление подчинить все и всех надзору и опеке⁷².

Позднее, в годы революционной ситуации, Чичерин давал иную оценку и системе консерватизма и охранительным началам, видя в них сдерживающую силу при неразумных увлечениях общества либеральными требованиями⁷³. В 1855—1856 гг. все авторы статей еще безоговорочно осуждали охранительную политику, проводимую русским правительством, и видели в ней главную причину тяжелого внешнего и внутреннего положения страны. Русские либералы считали, что установление охранительной системы в управлении государством основывалось на ложном страхе русского правительства перед возможностью в России революции, возглавляемой революционной партией. В своих статьях они настойчиво стремились доказать, что революция западного типа в России невозможна. «А что касается тайных обществ, оппозиции, революционных и разрушительных планов, все это неизмеримо далеко от теперешнего пробуждения России», — заявляли авторы «Письма к издателю»⁷⁴.

Инициаторы первого открытого выступления русских либералов доказывали, что «горький опыт» показал русскому обществу, что попытки снизу к насильственному изменению существующего строя вызывают одно лишь усиление строгости. Движение декабристов, по мнению авторов статей, принесло большой вред русскому общественному движению, так как недоверие правительства к русскому обществу после 14 декабря 1825 г. еще больше усилилось. В декабристском восстании русские либералы видели «печальный отголосок революционных бурь на Западе» и считали его величайшей ошибкой. Неудача декабристского восстания, по их мнению, являлась явным свидетельством совершенного отсутствия «в народе даже тени сочувствия к таким переворотам»⁷⁵.

«Можно смело сказать, — писал Мельгунов, — что время заговоров и тайных обществ прошло невозвратно; в них изверились даже и юноши, и все убедились в их бесплодности»⁷⁶. Но правительство все еще боится революции, не верит обществу и проводит политику жесточайшего политического гнета. «Чума прекратилась, — писал Мельгунов, — а карантин все еще тут»⁷⁷.

Русские либералы рисовали в своих статьях картину политического гнета в стране. Сорокалетний террор привел к тому, что умственные силы России бессмысленно и беспощадно попираются. Установленный политический режим так тяжел, что можно подумать, что Россия объявлена на «бессменном осадном положении»⁷⁸.

С охранительной системой, проводимой правительством, указывали авторы статей, тесно связано господство бюрократии. Бюрократия, — писал Мельгунов, — свирепствует у нас, «она пуще холеры»⁷⁹. Критике русской бюрократии авторы статей уделяли исключительное внимание. В «Письме к издателю» Кавелин доказывал, что именно эта «алчная, развратная и невежественная бюрократия... составляет непроницаемую среду, сквозь которую не доходит ни голос России до царя, ни мысли и намерения царя до России»⁸⁰. Все авторы статей, напечатанных в «Голосах из России», писали о необходимости избавиться от старого чиновничества, убрать всю старую бюрократию и заменить их образованными, понимающими требования времени царскими сотрудниками⁸¹.

Перенесение центра тяжести критики существующего строя на критику правитель-

⁷² См. «Голоса из России», вып. I, стр. 69.

⁷³ Б. Н. Чичерин. Что такое охранительные начала. В его книге «Несколько современных вопросов», М., 1862.

⁷⁴ «Голоса из России», вып. I, стр. 11.

⁷⁵ Там же, стр. 74—75.

⁷⁶ Там же, стр. 100—101.

⁷⁷ Там же, стр. 101.

⁷⁸ Там же, стр. 96.

⁷⁹ Там же, стр. 84—85.

⁸⁰ Там же, стр. 13.

⁸¹ См. там же, вып. II, стр. 26—27.

ственной бюрократии характерно для русских либералов, стремящихся не к коренному изменению существующего порядка, а только к частичным преобразованиям и усилению своего влияния в управлении государством.

Резкой критике русские либералы 50-х годов подвергали крепостное право. Они подробно обосновывали необходимость отмены крепостного права с различных точек зрения: юридической, экономической и политической. Идеологи буржуазного развития страны, они еще с 40-х годов являлись убежденными противниками крепостного права. В своих статьях и записках, посланных Герцену, они доказывали, что крепостное право является главным тормозом на пути экономического развития страны.

«Крепостное право есть камень преткновения для всякого успеха и развития в России»⁸², — писал Кавелин. Крепостное право ведет к неправильному распределению сельского народонаселения, нерациональному использованию рабочей силы, несоответственному производству хлеба и дешевизне его на рынке, а все это приводит к повсеместному обеднению помещиков и крестьян⁸³. Крепостное право накладывает свою печать на весь быт, на всю общественную жизнь страны. «Крепостное право, — писал Кавелин, — есть неиссякаемый источник насилий, безнравственности, невежества, праздности, тунеядства и всех проистекающих отсюда пороков и даже преступлений. Все общественные и частные отношения заражены у нас влиянием крепостного права»⁸⁴

Кавелин и Чичерин доказывали, что крепостное право — это «гордиев узел, к которому сходятся все наши общественные язвы», и потому все внутренние преобразования связаны с упразднением крепостного права⁸⁵.

В условиях русской действительности середины 50-х годов русские либералы особенно настойчиво указывали на политическую опасность сохранения крепостных отношений. «Крепостное право не только разорвет и развращает государство, — писал Кавелин, — но оно грозит ему бедами и великими опасностями в политическом отношении»⁸⁶. Напоминая о движениях крестьян в прошлом, благодаря которым русское государство стояло несколько раз «на краю гибели», Кавелин указывал на реальность угрозы крестьянского восстания в середине 50-х годов. «Зловещим предзнаменованием, — писал он, — служит при этом то обстоятельство, что полумирные восстания крепостных постепенно принимают все более и более обширные размеры». Приводя многочисленные факты роста крестьянского движения в середине 50-х годов, Кавелин писал: «Все это может убедить даже самых близоруких и ослепленных, что народ сильно тяготится крепостною зависимостью, и при неблагоприятных обстоятельствах из этого раздражения может вспыхнуть и разгореться пожар, которого последствия трудно предвидеть»⁸⁷.

На крайнее раздражение крепостного крестьянства и возможность революционного взрыва указывал и Чичерин. В своей записке «О крепостном состоянии» он писал: «Терпение их (крестьян. — В. Р.), наконец, лопнет, и существующий порядок приведет нас к одной из самых страшных революций, какие только бывали в истории человечества. Здесь возмутятся низшие классы... и вместо того, чтобы избежать народного правления, мы будем иметь восстание, а может быть, и владычество демократии, но самой дикой и необузданной»⁸⁸.

Считая, что в России нет революционных партий, тайных обществ и пр., русские либералы доказывали, что с уничтожением крепостного права исчезнет самая возможность революции в России. В этом вопросе, как и в целом ряде других, Кавелин в эти годы был вполне солидарен с Погодиным. В одном из своих писем к Погодину в 1856 г. Кавелин писал, что только в крепостном праве он видит «возможность восстаний и насильственных переворотов. Не будет первого, не будет и последних»⁸⁹.

Анализ внутреннего положения страны и критика политики правительства приводили русских либералов к выводу о необходимости немедленных реформ. «Скрытное подземное неудовольствие овладело всеми сословиями, — писал Мельгунов. — На-

⁸² К. Д. Кавелин. Соч., т. II, стр. 33.

⁸³ См. там же, стр. 27—29.

⁸⁴ Там же, стр. 31.

⁸⁵ Там же, стр. 34.

⁸⁶ Там же, стр. 32.

⁸⁷ Там же, стр. 32—33.

⁸⁸ «Голоса из России», вып. II, стр. 212.

⁸⁹ РОБИЛ, ф. 231—II—14/31. Письмо от 17 марта 1856 г.

стоящая война лишь обманчиво отвлекает грозу»⁹⁰. Еще резче писал о положении страны Чичерин. Он прямо указывал, что последние события открыли глаза тем, кто раньше ничего не замечал. «... Мы раньше только незаметно приближались к бездне,— писал он, — и вдруг эта бездна открылась перед нашими глазами»⁹¹. Только немедленные преобразования могут вывести страну на путь экономического подъема и спасти ее от революционного взрыва.

Политическая программа, провозглашаемая русскими либералами, носила широкое декларативное характер. В программной статье «Современные задачи русской жизни», намечая план необходимых преобразований, Чичерин писал, что они послужат поддержанию «великого и благотворного начала свободы», осуществлению либерализма, в котором «вся будущность России»⁹². В той же статье Чичерин более подробно определял, что должно разуметь под либерализмом. Перечисляя меры, которые должно принять либеральное правительство и которых должна желать «либеральная партия в обществе», он писал о необходимости отмены крепостного права и провозглашения буржуазных свобод⁹³.

Обобщая все эти положения своей программы, либералы 50-х годов заявляли, что они стремятся к созданию условий для «умственной и гражданской свободы». Рассказывая о своих «Воспоминаниях», о политической программе, выдвигаемой в статьях, отправленных Герцену в 1855 г., Чичерин писал: «Одно, чего мы жаждали, к чему мы стремились и чего ожидали от нового правительства, это — свободы умственной и гражданской»⁹⁴.

Политическое и классовое содержание программы, выдвинутой русскими либералами в 1855—1856 гг., сводилось к частичным буржуазным реформам, проводимым сверху правительственной властью в интересах расчистки путей для развития капитализма в стране и предупреждения революционного взрыва.

Требование «умственной и гражданской свободы» соединялось у русских либералов 50-х годов с твердым убеждением в необходимости сохранения неограниченного царского самодержавия. «Под словом преобразования, — писал Мельгунов в цитируемой уже программной статье, — мы отнюдь не разумеем ограничения верховной власти: безумно прибавлять к существующей безурядице безурядицу представительную; не конституционные сделки нам нужны, а самодержавные реформы»⁹⁵.

В другой статье — «Приятельский разговор» — он прямо писал, что о конституции в России вопрос не стоит, необходимо, чтобы «переменилась система управления, а не правления»⁹⁶.

Понимание свободы у русских либералов было неразрывно соединено с понятием о царской власти и законности. Коренным принципом политической программы нового царствования, писал Мельгунов, должен быть принцип «законная свобода»⁹⁷.

В этой связи характерно отношение либералов к деятельности Герцена. Одним из важнейших условий «умственной и гражданской свободы» являлась, согласно программе либералов, «свобода печати». В 1855 г. Кавелин и Чичерин признавали еще целесообразным существование за границей «Вольной русской прессы», но к свободному слову они предъявляли, как и ко всякой общественной деятельности, требования «умеренности и осторожности». В «Письме к издателю» они резко осуждали Герцена за неправильное использование «вольного станка». Из всех изданий «Вольной русской типографии» они, кроме мемуаров, давали высокую оценку только известному письму Герцена к Александру II в 1855 г. Это, по выражению В. И. Ленина, слащавое письмо, которое нельзя читать без отвращения, написанное Герценом в разгар его либеральных иллюзий⁹⁸, авторы «Письма к издателю» считали «единственной политической статьей, написанной с должным благоразумием»⁹⁹.

⁹⁰ «Голоса из России», вып. I, стр. 121.

⁹¹ Там же, вып. IV, стр. 52.

⁹² Там же, стр. 111, 126.

⁹³ Там же, стр. 112—125.

⁹⁴ Б. Н. Чичерин. Москва 40-х годов, стр. 162.

⁹⁵ «Голоса из России», вып. IV, стр. 145—146.

⁹⁶ Там же, вып. II, стр. 8.

⁹⁷ Там же, стр. 30.

⁹⁸ См. В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 12.

⁹⁹ «Голоса из России», вып. I, стр. 34.

Для «Вольной русской прессы» либералы предлагали свою программу. «Укажите нам, — писали они Герцену, — с должной умеренностью и с знанием дела на внутренние наши недостатки, раскройте перед нами картину внутреннего нашего быта, так как вы отчасти делаете это в своих «Записках», и мы будем вам благодарны, ибо свободное русское слово — великое дело»¹⁰⁰.

Позднее, в 1858 г., в своем втором обращении к Герцену Чичерин, с еще большей резкостью осуждая направление изданий Герцена как революционное, писал, что «первый свободный русский журнал служит самым сильным доказательством в пользу цензуры»¹⁰¹.

Такой же лицемерный характер носили в понимании русских либералов 50-х годов и другие требуемые ими свободы.

По сравнению с программами реакционных кругов, либеральная программа носила прогрессивный характер, но ее классовая сущность, ее ограниченно буржуазный характер проявляются очень отчетливо. Эта ограниченность особенно ясно видна в либеральных проектах отмены крепостного права¹⁰². Кавелин и Чичерин являлись горячими поборниками быстрой ликвидации крепостных отношений, но, тесно связанные с русским помещичьим классом, они стремились к сохранению помещичьего землевладения и господствующего положения русского дворянства. Доказывая необходимость немедленной ликвидации крепостных отношений, Кавелин в своей записке ставил главной задачей разработку такого проекта освобождения крестьян, который обеспечил бы проведение реформы без потрясений общественного организма.

Интерес крестьян, доказывал Кавелин, заключается в полном личном освобождении их от владельцев с удержанием той земли, которой они владеют и пользуются для себя¹⁰³. В освобождении крестьян с землей заинтересованы не только крестьяне, но и государство. Россия должна использовать опыт Европы, который наглядно показывает «горестные последствия» освобождения крестьян без земли.

Только при освобождении крестьян со всей той землей, которая находилась в их распоряжении, «Россия получит несокрушимую прочность и то внутреннее единство, при котором невозможны будут междоусобия, терзающие Европу»¹⁰⁴. В отличие от крепостников, Кавелин требовал освобождения крестьян с землей, но при этом ни в коем случае не должны были быть затронуты интересы владельцев.

Как и крепостники, Кавелин стоял «на почве признания собственности и власти помещиков»¹⁰⁵. Кавелин одним из первых выдвинул идею обязательного выкупа крестьянами своей земли «в собственность», но при условии полного вознаграждения помещиков. Освобождение крестьян без вознаграждения помещиков, по мнению Кавелина, было бы весьма опасным нарушением права собственности, которого никакое правительство сделать не может, не поколебав гражданского порядка и общежития в самых основаниях. На право собственности помещиков, указывал Кавелин, «посягает одна лишь революция... правильная государственная власть касаться его не должна и не может»¹⁰⁶.

Стремясь всемерно обеспечить интересы помещиков, Кавелин считал, что выкупу подлежит не только земельный надел, но и личность освобождаемых крестьян. «Крепостное право, — писал он А. В. Головину, — есть право личное, которое в одних случаях может быть приведено к ценности земли, в других не может... попробуйте коснуться сущности, и вы увидите, какие могут произойти несправедливости от такого взгляда на предмет. Есть имения, даже целые местности, в которых доход помещика дается не землею, а работою крепостных. В таких имениях заплатить владельцу за землю и лишить его дохода за труд значило бы отнять у него собственность»¹⁰⁷.

¹⁰⁰ «Голоса из России», вып. I, стр. 35.

¹⁰¹ Б. Н. Чичерин. Несколько современных вопросов, стр. 17.

¹⁰² «Голоса из России», вып. II; вып. III, 1857.

¹⁰³ К. Д. Кавелин. Соч., т. II, стр. 41.

¹⁰⁴ Там же, стр. 73.

¹⁰⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 96.

¹⁰⁶ К. Д. Кавелин. Соч., т. II, стр. 37—38.

¹⁰⁷ «Русская Старина», СПб., 1887, февраль, стр. 443—444.

Кавелин предлагал немедленную отмену крепостного права и передачу крестьянам в собственность их земельного надела на условиях выкупа ими своей личности и своей земли, т. е. предлагал условия, «безусловно предопределявшие разорение и экспроприацию крестьянства»¹⁰⁸.

Основные принципиальные положения записки Кавелина «Об освобождении крестьян» совпали с планом Н. А. Милютин¹⁰⁹ и тем планом, который защищала либеральная группа позднее в редакционных комиссиях.

Власть помещичьего класса при «освобождении», намечаемом проектом Кавелина, не урезывалась, поскольку основа феодализма — феодальное землевладение — сохранялось. Проект Кавелина предусматривал только создание условий для перевода помещичьего хозяйства на рельсы буржуазного развития. Вместе с тем проект преследовал и другую цель. Кавелин был убежден, что освобождение крестьян «с землей», обеспечивает возможность мирного развития страны, спасает от народной революции.

Характеризуя в одном из своих писем к Погодину задачи своей записки по крестьянскому вопросу, Кавелин писал: «В моих глазах, решить умно и основательно и честно, не так, как вся Европа и наш Остзейский край, этот вопрос — значит спасти нас от бессмысленной резни и на пятьсот лет дать России внутренний мир и возможность правильного спокойного преуспеяния, без скачков и прыжков»¹¹⁰.

Те же начала при освобождении крестьян отстаивал и Чичерин. Так же, как Кавелин, он являлся убежденным сторонником немедленной отмены крепостного права и обосновывал эту необходимость юридическими, экономическими и политическими соображениями. «Вообще,— писал он в составленной им записке,— свобода частных отношений составляет первую и существенную основу всякой сколько-нибудь развитой промышленности и гражданственности»¹¹¹. Исходя из своей теории закрепощения и раскрепощения сословий государством, Чичерин доказывал, что крепостное право, возникнув как неизбежное историческое зло, оправданное государственной необходимостью, превратилось в XIX в. в тормоз для развития, и дальнейшее его существование не вызывается никакими соображениями. Наоборот, государство заинтересовано в его быстрейшей ликвидации. Как и Кавелин, Чичерин выдвигал на первый план необходимость освобождения крестьян с землей, обосновывая эту необходимость прежде всего политическими соображениями. Чичерин писал, что «работники составляют всегда главную основу всех возмущений... Собственник же, напротив того, всегда опасаясь за свое имущество, более всего боится волнений. В особенности поземельные собственники, будучи всем своим существом привязаны к земле, любят отношения прочные и неизменные. Они самый консервативный элемент, какой только можно придумать, и потому государство, ищущее прочности учреждений, должно неразрывно связать свои интересы с интересами наибольшего по возможности числа поземельных собственников»¹¹².

По мысли Чичерина, крестьянство в России должно превратиться в класс мелких собственников, и тогда оно составит самую твердую и надежную опору правительства¹¹³. Так же как Кавелин, Чичерин считал необходимым условием освобождения крестьян сохранение крупного помещичьего землевладения и полную гарантию защиты интересов помещиков. Земля передается крестьянам только на условиях выкупа. Чичерин намечает план выкупной операции с помощью государственной ссуды, но так же как Кавелин, не видит еще условий для «разовой сделки» и считает, что крестьяне будут освобождены не сразу, а только после уплаты всей суммы.

Проекты освобождения крестьян, выдвигаемые Кавелиным и Чичериным, особенно ясно вскрывают половинчатость русского либерализма 50-х годов. Программа, развернутая инициаторами первого открытого выступления русских либералов в 1855 г., несомненно, отличалась от программы реакционной партии, прямых защитников самодержавия, крепостничества и старого порядка в России.

Характеризуя русских либералов на различных этапах исторического развития,

¹⁰⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 263.

¹⁰⁹ Архив ИРЛ, ф. Кавелина, 20587 СХЛб 13. Письмо от 23 сентября 1856 г.

¹¹⁰ РОБИЛ, фонд 231-II-14/31. Письмо от 17 марта 1856 г.

¹¹¹ «Голоса из России», вып. II, стр. 187—188.

¹¹² Там же, стр. 213.

¹¹³ Там же, стр. 213—214.

Ленин всегда указывал на отличие либералов, идеологов буржуазии, от реакционеров и подчеркивал недопустимость смешения либералов и правых в одно политическое понятие реакционного блока, реакционной массы. В 1912 г., характеризуя политический смысл борьбы с либералами, Ленин писал: «...В нашем определении социальной, классовой природы разных партий всегда подчеркивается средневековье у правых, буржуазность у либералов. Это „две большие разницы“»¹¹⁴. Но отмечая несомненную враждебность русского либерального движения крепостничеству и его стремление к буржуазному преобразованию страны, Ленин постоянно указывал на двойственность и непоследовательность русских либералов в борьбе за буржуазные преобразования и, главное, на их резко выраженный антидемократизм.

Политическая программа, развернутая инициаторами первого открытого выступления русских либералов, показывает, что уже в 1855—1856 гг. русские либералы показали себя не способными к последовательной борьбе за буржуазные преобразования. Враждебные народу и революционной демократии, выражающей интересы народных масс, либералы 50-х годов были тесно связаны с царской властью и помещичьим классом.

В 1856—1858 гг. либеральное движение значительно расширяется. Благодаря некоторому облегчению политического режима в стране деятели либерального движения получают возможность развивать свою политическую программу как в речах на торжественных заседаниях и обедах, так и на страницах журналов и на дворянских выборных собраниях. Но так же как и инициаторы первого открытого выступления русских либералов, все деятели либерального движения 50-х годов в своих выступлениях и статьях, в условиях нарастания революционной ситуации в России, выдвигают программу соглашения и тесного союза с царизмом и проведения умеренных буржуазных реформ при сохранении как неограниченной монархии, так и прав и привилегий русского дворянства. В развивающейся общественной борьбе они выступают как прямые предшественники либеральной партии XX в. Сделка с монархией и прекращение революции — основное стремление либералов¹¹⁵.

¹¹⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 108.

¹¹⁵ См. В. И. Ленин, Соч., т. 11, стр. 202.

